

Т. Н. Жуковская, К. С. Казакова

Студенты, корпоранты, верные подданные

Рецензия на книгу: Фридман Р. Маскулинность, самодержавие и российский университет, 1804–1863 / Пер. с англ. Н. Проценко. Бостон / СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2024. 264 с. Серия «Современная западная русистика»

Петербургское издательство «Библиороссика» несколько лет назад возобновило памятную многим серию «Современная западная русистика», которая была визитной карточкой издательства «Пушкинский фонд» / «Академический проект» в 1990-х гг. В рамках общего проекта с бостонским издательством «Academic Studies Press» «Библиороссикой» переведена и уже издана целая библиотека классических литературоведческих, социологических, исторических исследований, в том числе книги классиков социальной и политической истории России — Нэнси Коллман, Валери Кивельсон, Барбары Энгель, Эллис Виртшафтер, Александра Мартина, Даниэля Орловского и др. Издательство выпускает труды как научного, так и научно-популярного характера. В данной серии вышла и книга профессора Международного университета Флориды Ребекки Фридман, посвященная студентам императорских российских университетов.

История студенчества активно разрабатывается в современных university studies. Основное внимание российские и западные историки уделяют изучению университетского управления и самоуправления, университетской повседневно-

ности, специфике властных отношений в академической среде, особенностям формирования профессорской корпорации и студенческого сообщества. Эти вопросы неплохо исследованы в отношении российских университетов конца XIX — начала XX в., тогда как социальная история дореформенного университета еще оставляет много исследовательских лакун. Историей императорских университетов как государственного проекта и их студенчества занимаются как отечественные, так и западные авторы. Однако изучение академических сообществ в их гендерной проекции в отечественной историографии только начато; не случайно книга Р. Фридман, вышедшая на основе ее диссертации еще в 2004 г., сразу была замечена и высоко оценена специалистами. Через 20 лет русский читатель знакомится с ее переводом.

Рецензируемая монография состоит из введения, пяти глав и эпилога. Во вводной части автор формулирует задачу исследования, которая видится в рассмотрении на материалах Казанского, Московского и Петербургского университетов представлений о маскулинности, т. е. о социальных стандартах мужественности, нормативного поведения, которые в данном случае вырабатывались корпоративной университетской культурой, но отвечали государственному заказу. Бóльшая часть книги посвящена становлению университета как институции, формирующей в период правления Николая I идеальный тип подданных. Автор подчеркивает, что для формирования гражданской элиты России университет имел столь же большое значение, как кадетские корпуса — для воспитания русского офицерства и генералитета.

Первая глава книги названа «Респектабельные слуги, покорные мужчины и административный идеал самодержавия» и посвящена механизмам формирования в университетах александровского и николаевского времени официально идеала будущего чиновника, в том числе через законодательно оформленные нормы поведения. Рассматривая особенности устройства российских университетов, автор пишет о том, что в университетском уставе 1804 г. изначально был заложен конфликт, который заключался в предоставлении профессорской корпорации слишком широкой автономии. С принятием устава 1835 г. этот конфликт был преодолен за счет расширения круга обязанностей попечителей и сокращения полномочий университетских советов. Признаки усиления централизации управления усматриваются автором в упразднении университетского суда, ликвидации исключительного права Совета назначать профессоров. Что касается изменений студенческой корпоративности, ключевым моментом, по мнению Р. Фридман, стала передача инспекторского контроля над студентами от выборного профессора к государственному служащему, подотчетному попечителю, назначенному, как правило, из отставных военных чинов.

Университетский устав 1835 г. внес изменения и в программу обучения, в чем автор видит отражение установок династического национализма, который в это время оформился в идеологическую доктрину и предполагал последовательное воспитание лояльности и патриотизма в многонациональной

по составу студенческой среде. Эти новые установки проявляются в создании и развитии кафедр русской истории, российской словесности, славянских наречий. К 1837 г. для поступления в университет требовалось глубокое знание русской грамматики, литературы и истории. Также устав 1835 г. предусматривал новые кафедры богословия, церковной истории и права, изучение этих дисциплин стало обязательным для всех православных студентов. «Русскость» в этот период, как подчеркивает Р. Фридман, не определялась этнической принадлежностью, каждый студент должен был демонстрировать лояльность своими познаниями в российской словесности и русской истории, которые были базовыми предметами. С введением устава 1863 г. связь между университетским сообществом и государством была ослаблена, а задачи воспитания в университетах верных подданных империи отошли на второй план.

Исследуя адаптацию законодательных норм взаимодействия университетского сообщества и власти, Р. Фридман сосредоточивает свое внимание на границах и методах государственного контроля над учащейся молодежью. В работе показано, что государственная власть (в лице Министерства народного просвещения) брала на себя ответственность не только за профессиональные знания студентов, но и за их социализацию, обучение «благородным» манерам и морали, которые они должны были принести с собой на государственную службу после окончания университета.

Воспитание учащейся молодежи осуществлялось через инспектора и его помощников и основывалось, как отмечает автор, на всестороннем контроле над ходом обучения и поведением вне аудиторий. Дисциплинарный контроль, пресекающий как мелкие нарушения распорядка, так и вольномыслие, а также поступки, определенные как «развратное поведение», способствовал осуществлению «цивилизующей миссии» университета по формированию из неуравновешенных юношей добропорядочных подданных-мужчин. Автор использует термины «административный идеал мужественности», «респектабельная маскулинность» (с. 232). Исследовательница подчеркивает, что составляющими официального идеала были: сексуальная сдержанность, повиновение и благопристойность. Внешне этот идеал воплощался в соблюдении «Правил для студентов», недопущении аморальных проступков, умении вести себя в обществе. Внешний вид студента, предписанный «Правилами», состояние мундира, благопристойное поведение в этой конструкции значили много больше, чем его способности и академические успехи. Всесторонний инспекторский контроль, распространявшийся за пределы университетских зданий, был нужен затем, чтобы убедиться, что студенты действительно усваивают эти официальные ценности.

Вторая глава книги «Социализация в кабаке» посвящена неформальным практикам социализации студентов. Таковыми были студенческие пирушки и сходки (команы, кнейпы, буршеншафты) и посещение городских питейных заведений. Выпивку, застольные ритуалы и драки автор интерпретирует как ключевые понятия самого студенчества об идеале мужественности. Р. Фрид-

ман на ряде примеров показывает, что, хотя подобное времяпрепровождение противоречило формальному кодексу поведения студента, университетское начальство закрывало глаза на это, если студенческое «веселье» не выходило за рамки юношеского озорства, не приводило к конфликтам с посторонней публикой или неповиновению властям (в лице инспекции или городской полиции). Автор ссылается на более чем снисходительное отношение старшего инспектора студентов Московского университета П. С. Нахимова к студенческим шалостям и попойкам. Нахимов всячески защищал студентов от городской полиции и университетского начальства (с. 92–96) и даже «наставлял в правилах кабацкого общения». Неудивительно, что московские студенты, покидая университет, сохраняли добрую память о Нахимове (как, впрочем, петербургские студенты — о своем инспекторе А. И. Фиццуцме фон Экштедте). Инспекторы, по выражению Р. Фридман, выступали «пограничными фигурами», т.е. посредниками между студентами, государством и обществом, не церберами, а наставниками молодежи и выразителями уже довольно архаичного для 1840-х гг. «семейного стиля» отношений внутри дореформенного университета.

Третья глава книги «Студенческие братства и дуэли» посвящена данным студенческим ритуалам и способам коммуникации, также отражавшим складывание студенческой корпоративности. Автор справедливо отмечает, что с 1820-х гг. проявления студенческой корпоративной культуры наблюдаются во всех университетах империи. Полупубличные литературные собрания 1830-х гг. и еще менее публичные кружки, по мнению автора, были теми площадками, где даже в условиях николаевского режима студенчество могло организовываться для коллективных действий (таких как помощь малообеспеченным товарищам, обмен книгами, самообразование, поддержание национальных и земляческих связей, выпуск рукописных журналов, содержательные формы досуга) и осознавать свою общность.

Особое внимание автор уделяет студенческим корпорациям, появившимся сначала в Дерптском университете, а потом перенесенным оттуда в С.-Петербургский и Московский. Структура, традиции и влияние этих объединений в университетской среде подробно описаны в мемуарной литературе. Стержнем этой модели студенческой самоорганизации, по мнению автора, являлась идея чести (с. 116–120). Честь, по определению уставов российских студенческих корпораций, признавалась за всяким их членом, ее трактовка соответствовала нормам дворянской культуры, перенесенным в достаточно однородную и закрытую студенческую среду. Способом «восстановить честь» для стороны, пострадавшей в ссоре, являлась дуэль, которая не только стала ритуалом и развлечением, но и давала выход индивидуальной агрессии, использовалась как возможность показать товарищам свои мужество и ловкость. Подготовка к дуэли оттачивала спортивные навыки, а обстановка конспиративности и страх наказания за участие в поединке воспитывали дружбу, единство, дерзость юных корпорантов и дуэлянтов.

Что касается студенческих корпораций, то эти добровольные сообщества, объединявшие национальные отряды студентов (русских, поляков, остзейских немцев) или элитарные группы (в Петербургском университете несколько лет существовала корпорация «аристократов») не были долговременными, не преследовались, но и не поощрялись университетской администрацией и верховной властью. Анализируя позицию властей по отношению к корпорациям, автор справедливо замечает, что администраторы проявляли терпимость к этим неформальным объединениям, поскольку те не преследовали политических целей (с. 129–131). При этом кодексы чести корпораций во многом дублировали официальные предписания о надлежащем поведении.

Глава 4 посвящена проблеме взаимовлияния эмоциональной и социальной составляющих в моделях поведения студентов рассматриваемого времени. Культ страстной дружбы, восходящий к образам романтических героев, для несовершеннолетних, неполноправных, изолированных в стенах университетских общежитий и аудиторий молодых людей был закономерным явлением. Мужская дружба, при табуированности и отсутствии серьезных отношений с женщинами, была эмоционально перегружена. Ключевым определением для студенческих горизонтальных связей на многие десятилетия становится слово «братство». Р. Фридман анализирует эмоциональный и интеллектуальный опыт дружбы участников кружка Н. В. Станкевича в Московском университете 1830-х гг., отношения А. И. Герцена и Н. П. Огарева (с. 161–166). Эмоциональная и духовная сторона «студенческой дружбы», возвышенная литературным каноном, сублимировала эротическую составляющую, если таковая имела место. На страже нравственности юношей стояли не только законы, уже упомянутые «Правила для студентов», но и культурные нормы, осуждающие мужеложство. «Развратное» поведение в учебных заведениях преследовалось и наказывалось строже, чем политическое вольнодумство. Не случайно следы таких историй мы находим в университетских архивах крайне редко. Однако язык выражения эмоций людьми эпохи романтизма, их стремление к литературизации жизни¹ часто смущает историка гендера, склоняет к преувеличениям, что отчасти проявилось и в данном исследовании. В то же время сама Р. Фридман повторяет, что границы мужской эмоциональности, культ мужской дружбы, основанной на общем деле, для университетских интеллектуалов формировались на основе литературного канона сентиментализма и романтизма. Следуя этому канону, сплоченное студенческое мужское сообщество нормализовало сферу запретного, в которую вошли и дуэли, и кутежи, и тайные студенческие корпорации и общества, и чтение запрещенной литературы.

Автор считает, что культура дружбы распространялась и на отношения между студентами и наставниками (с. 149–152), но это утверждение спорно. В пример приводятся литературные вечера с участием студентов у ректора Петербургского университета П. А. Плетнева и квартирные собрания у профессора международного права И. И. Ивановского. Действительно, неформальные от-

ношения между профессорами и студентами, вписанные в традиции дружеских кружков, имели место в первой половине XIX в., как и в следующее столетие. Но эти отношения лишь дополняли академическое взаимодействие, строились вокруг учебных или научных задач, отношений «учитель — ученики», их отличали другие эмоции и язык.

В главе 5 «Верные сыны и домашний идеал» Р. Фридман рассматривает проблему взаимосвязи университета и семьи, проекцию на университет семейного идеала эпохи бидермайера, созвучного Николаю I. Автор считает, что в университетское обучение и воспитание были вшиты семейные ценности, родственные привязанности, сыновние обязательства, подчиненные основной цели — формированию в каждом студенте лояльного подданного и будущего ответственного бюрократа. Связь студента с семьей всячески поддерживалась в период обучения. Однако в университетском городе, даже находясь вдали от собственных родных, студенты быстро выстраивали новые социальные связи через семьи своих друзей, профессоров, покровителей. На материале университетских мемуаров автор отмечает подвижность границы между социальной и домашней сферами, дружеским и родственным стилем общения. Показано, что власть полагалась на семью как на институт контроля не только над поведением и нравственностью, но и над лояльностью студентов.

В заключительной части книги исследовательница выходит за рамки николаевского царствования, кратко очерчивая тенденции развития университетской жизни второй половины 1850-х — 1860-х гг. Она обращает внимание на то, что уже с начала правления Александра II студентам была предоставлена более широкая автономия, чем в предыдущие десятилетия, «пусть и путем попустительства». Справедливо отмечено, что в это время оформление студенческой корпоративной идентичности ускорилося, но в то же время нарастал протест студенчества против предписанных норм и правил. В пореформенные годы меняется назначение университета, который становится все более автономным от государственной бюрократии, постепенно утрачивая связь с потребностями самодержавия и ориентируясь на потребности общественной жизни.

Возвращаясь к магистральной идее книги, вынесенной в ее название, можно разделить мысль Р. Фридман о том, что идеалов маскулинности (нормативного гендерного поведения) для дореформенного студенчества как социокультурной группы обнаруживается как минимум два: официальный и неофициальный. Они находились в явном конфликте, причем неофициальный идеал был исторически более изменчив.

В свое время для данной книги американской исследовательницей была проделана огромная поисковая и аналитическая работа с документальными источниками, в том числе по архивам трех университетов, находящимся в РГИА, ЦГИА СПб, Центральном историческом архиве Москвы, Национальном архиве Республики Татарстан. Многие разобранные ею кейсы университетской повседневности были упомянуты впервые и интерпретированы новаторски.

Основным же недостатком данного издания является то, что ни автор, ни издатель не дополнили его хотя бы краткими указаниями на развитие российских и западных исследований в интересующем автора направлении за время, которое прошло после выхода англоязычной версии книги. По этой причине некоторые суждения автора сегодня воспринимаются как общие места или анахронизмы.

Переводческая работа Николая Проценко, постоянного сотрудника издательства, как нам кажется, носит следы поспешности. Переводчик, как он сам признается, увлекся текстом и переводил «на одном дыхании»². По этой ли причине или по недостатку опыта в сфере профессионального исторического перевода издание изобилует выражениями неточными и не вполне корректными с точки зрения историка-русиста. Почему вместо понятия «подданные», отражающего государственно-общественные отношения николаевской России, везде употреблено слово «слуги» (с. 33 и далее)? Кто такие «респектабельные слуги, покорные мужчины» отвечающие «административному идеалу самодержавия» (название 1-й главы)? Лояльные подданные, исполнительные чиновники как идеал государственно-бюрократической системы — звучало бы лучше. В тексте перевода осталось немало стилистических шероховатостей. Не исправлены ошибки автора, назвавшего Александра Евгеньевича Преснякова, автора книги «Апогей самодержавия», Евгением (с. 19). В библиографическом списке смешаны источники и исследовательская литература — как на русском, так и на английском языках, и т. д. Текст плохо вычитан, в библиографическом списке некоторые названия дублируются. Книгу могли бы улучшить приглашение научного редактора или консультации переводчика с историком-специалистом. «Академический проект» в свое время имел для книг этой серии авторитетную редколлегию и приглашал научных редакторов.

Амбициозный издательский проект «Библиороссики», имеющий целью предложить русскому читателю-гуманитарию образцы «современной западной научной мысли», на наш взгляд, должен производить более обоснованный отбор сочинений, их обстоятельное представление, точный и добросовестный научный перевод. Издание монографии Ребекки Фридман, которая была написана более двадцати лет назад, как и труда Даниэля Орловского³, вышедшего в свет еще в 1981 г., воспроизведенного без современного предисловия, без оглядки на протекшие десятилетия развития науки, даже без изменения названий архивов советского времени, — удовлетворить взыскательного читателя не может.

¹ Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни: (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Таллинн: Александра, 1992. С. 296–336.

- ² Интервью с переводчиком Николаем Проценко. 18 марта 2025 г. // Официальная страница «ВКонтакте» издательства «Библиороссика». URL: <https://vk.com/@bibliorossika-intervyu-s-perevodchikom-nikolaem-procenko>. (дата обращения: 20.03.2025).
- ³ Орловский Д. Пределы реформ. Министерство внутренних дел Российской империи в 1802–1881 годах. Бостон; СПб., 2022. 429 с.

References

- Lotman, Yu. M. Dekabrist v povsednevnoi zhizni: (Bytovoe povedenie kak istoriko-psikhologicheskaya kategoriya [The Decembrist in Everyday Life: (Everyday Behavior as a Historical and Psychological Category). In Russ.]. In Lotman, Yu. M. *Selected Articles: In 3 vols. Vol. 1*. Tallinn, Aleksandra, 1992. P. 296–336.
- Orlovsky, D. *Predely reform. Ministerstvo vnutrennikh del Rossiiskoi imperii v 1802–1881 godakh*. [The Limits of Reform. The Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in 1802–1881. In Russ.]. Boston; St. Petersburg, 2022. 429 p.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Т. Н. Жуковская, К. С. Казакова. Студенты, корпоранты, верные подданные. Рецензия на книгу: *Фридман Р. Маскулинность, самодержавие и российский университет, 1804–1863* / Пер. с англ. Н. Проценко. Бостон / СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2024. 264 с. Серия «Современная западная русистика» // Петербургский исторический журнал. 2025. № 2. С. 250–258

Аннотация: Рецензируемая книга представляет собой опыт изучения взаимоотношений студенческого сообщества и власти, как университетской, так и государственной, а также особенностей правовой и корпоративной организации студентов дореформенного университета. Автор исследует социальные связи студенческой молодежи, формирование официальных и альтернативных поведенческих моделей студенчества, которое было в то время исключительно мужским сообществом. Автор настаивает на том, что нормативная гендерная модель верноподданного «слуги отечества и Государя» и выработанный университетской корпорацией идеал образованного эмансипированного молодого человека существенно расходились. Рецензия критически оценивает реконструированные автором для данной социокультурной группы идеалы маскулинности.

Ключевые слова: университеты в России, студенчество, гендер, академическая корпорация, социальная история университетов, современная западная русистика.

FOR CITATION

T. N. Zhukovskaya, K. S. Kazakova. Students, Corporants, Loyal Subjects. Review on Monograph: *Friedman R. Masculinity, Autocracy, and the Russian University, 1804–1863* / Transl. from English by N. Protsenko. Boston / St. Petersburg: Academic Studies Press / Bibliorossika, 2024. 264 p. Series “Modern Western Russian Studies” // Petersburg Historical Journal, no. 2, 2025, pp. 250–258

Abstract: The book under review is a study of the relationship between the student community and the authorities, both university and state, as well as the characteristics of the legal and corporate organisation of students at the pre-reform university. The author examines the social relations of student youth, the formation of official and alternative models of student behaviour, which at that time was an exclusively male community. The author argues that there was a significant gap between the normative gender model of the loyal subject “servant of the fatherland and the Tsar” and the ideal of the educated, emancipated young man developed

by the university corporation. The article critically evaluates the ideals of masculinity reconstructed by the author for this socio-cultural group.

Key words: universities in Russia, students, gender, academic corporation, social history of universities, modern Western Russian studies.

Автор: **Жуковская, Татьяна Николаевна** — к.и.н., старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Author: **Zhukovskaya, Tatyana Nikolaevna** — PhD in History, Senior Researcher at the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia).

E-mail: tzhukovskaya@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9776-0038

Автор: **Казакова, Ксения Сергеевна** — к.и.н., старший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН (Апатиты, Россия).

Author: **Kazakova, Ksenia Sergeevna** — PhD in History, Senior Researcher at the Center for Humanitarian Problems of the Barents region of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Apatity, Russia).

E-mail: ksenia-kuznec@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5071-4947